

LYN RAND

20 октября 1947 года Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности при Палате представителей Конгресса США (создана в 1934 году с целью разоблачения людей, сочувствующих коммунизму и пропагандирующих его идеи; во время войны практически не функционировала) начала публичные слушания в Вашингтоне об антиамериканской деятельности в Голливуде.

Было заслушано свыше 40 ведущих деятелей Голливуда. Статус Комиссии носил внесудебный характер. Человек, представший перед ней, сам должен был доказывать свою невинность. Никаких обвиняемых не было - все именовались свидетелями. Предполагалось заслушать 24 "дружественных" и 19 "недружественных" свидетелей (из последних были допрошены всего 11, а 10 человек отказались отвечать на вопросы).

Одним из «дружественных» была писательница Эйн Рэнд (Алиса Розенбаум, 1905-1982). В этом файле приведены её показания, касающиеся фильма "Песнь о России", попавшего под обвинение.

Эти показания стали первым публичным антикоммунистическим выступлением Эйн Рэнд, впоследствии ставшей признанным пророком антисоциализма и антикоммунизма в США и оказавшей своими книгами сильнейшее влияние на американский (да и не только) истеблишмент.

Показания Эйн Рэнд перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, 20.10.1947

Председатель: Поднимите, пожалуйста, правую руку, мисс Рэнд. Клянетесь ли вы, что, свидетельствуя, вы будете говорить правду, только правду и ничего кроме правды, да поможет вам Бог?

Мисс Рэнд: Клянусь. **Председатель:** Садитесь.

М-р Стриплинг: Мисс Рэнд, назовите, пожалуйста, ваше имя для стенограммы.

Мисс Рэнд: Эйн Рэнд или миссис Франк О'Коннор.

М-р Стриплинг: Э-й-н-д?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Р-э-н-д?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Это ваш псевдоним?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Какова ваша фамилия по мужу?

Мисс Рэнд: Миссис Франк О'Коннор.

М-р Стриплинг: Где вы родились, мисс Рэнд?

Мисс Рэнд: В Санкт-Петербурге, в России.

М-р Стриплинг: Когда вы покинули Россию?

Мисс Рэнд: В 1926-м году.

М-р Стриплинг: Как долго вы работаете в Голливуде?

Мисс Рэнд: Время от времени я работала на разных фильмах с 1926 года, но как сценарист я работаю с конца 1943-го и по сей день.

М-р Стриплинг: Вы сочинили несколько романов?

Мисс Рэнд: Одну секунду. Могу я рассказывать по порядку?

М-р Стриплинг: Да.

Мисс Рэнд: Да, я написала два романа. Первый называется «Мы живые» и повествует о Советской России. Он был напечатан в 1936-м. Второй – «Источник» - напечатан в 1943-м.

М-р Стриплинг: «Источник» стал бестселлером?

Мисс Рэнд: Да, благодаря американской публике.

М-р Стриплинг: Вы знаете, сколько экземпляров продано?

Мисс Рэнд: Последняя цифра, которую я слышала, была 360 тысяч. Думаю, с тех пор она еще возросла.

М-р Стриплинг: И вы устроились работать в Голливуд?

Мисс Рэнд: Да, я сейчас на контракте.

М-р Стриплинг: Можете назвать сценарии, которые вы написали для Голливуда?

Мисс Рэнд: Я написала сценарий «Источника», который пока не запущен, для «Уорнер Бразерс» и две работы для Парамаунта, истории были не мои, но я написала сценарии – «Любовные письма» и «Ты пришел один».

М-р Стриплинг: Мисс Рэнд, вы слышали сейчас показания мистера Мейера?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: И вы читали оглашенное мной письмо Лоуэлла Меллетта?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Который утверждает, что фильм «Песнь о России» не имел политического подтекста ?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Посмотрели ли вы по просьбе мистера Смита, сотрудника этого комитета, фильм «Песнь о России»?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Не раньше, чем две недели назад?

Мисс Рэнд: Да, если быть точной, 13 октября.

М-р Стриплинг: В Голливуде?

Мисс Рэнд: Да.

М-р Стриплинг: Не могли бы вы вкратце изложить для комиссии ваше видение фильма в отношении либо пропаганды, либо неправдивого или искаженного представления российской действительности?

Мисс Рэнд: Да. Прежде всего, я хотела бы дать определение пропаганды. Мы все говорим о ней, но никто...

М-р Стриплинг: Вы не могли бы говорить в микрофон?

Мисс Рэнд: Так слышно? Никто не разъяснил, что понимается под пропагандой. Я бы определила как «коммунистическую пропаганду» нечто, что производит хорошее впечатление о коммунизме как образе жизни. Нечто, что внушает людям, что жизнь в России хороша, что люди свободны и счастливы, я бы назвала коммунистической пропагандой. Если я ошибаюсь... То есть, вправе ли я утверждать, что это можно назвать коммунистической пропагандой?

Теперь о содержании фильма «Песнь о России». Он начинается с того, что американский дирижер, которого играет Роберт Тэйлор, дает в Америке концерт, сбор которого идет на поддержку русских в войне. Он начинает играть американский гимн, и под звуки гимна на экране появляется русская толпа, а над их головами вызывающе реет красный флаг с серпом и молотом. Извините, но мне от этого становится дурно. Я не понимаю, как коренные американцы допускают подобное, я-то всего лишь натурализованная американка. Это ужасный пропагандистский прием. Как писатель, я могу вам сказать, что при этом внушается людям. Людям формально и буквально говорят, что для американского гимна совершенно естественно звучать в советском антураже. Это даже больше, чем просто формальный прием, здесь имеется символический подтекст, и он работает.

Гимн продолжается, его играет советский оркестр. Так начинается фильм. Завязывается милая любовная история. Мистер Тэйлор – американец, который добровольно, очевидно, дает концерты в пользу Советов. Он встречает молодую русскую девушку, которая приходит к нему и просит поехать в ее родную деревню и дать там концерт. Нет никаких агентов ГПУ, ее никто не останавливает. Она просто приезжает в Москву и встречается с ним. Он идет ей навстречу и соглашается поехать с ней, потому что влюбляется. Он просит ее показать ему Москву. Она говорит, что сама Москву никогда не видела. Он отвечает: «Тогда я покажу ее тебе». Они осматривают город.

Предполагается, что следующая сцена показывает Москву. Не знаю, откуда студия взяла эти кадры, но ничего подобного в России я не видела. Первым делом вам показывают московские здания, большие, богато отделанные, чистые здания, перед которыми плавают лебеди и яхты. Потом вы видите московский ресторан, подобного которому никогда не существовало. В мое время, когда я жила в России, был всего один ресторан, который по убранству этому и в подметки не годился, и в который пускали лишь комиссаров и спекулянтов. Конечно, деревенская девушка, ей, во-первых, по своей воле никогда бы не разрешили приехать в Москву, не смогла бы зайти в такой ресторан, даже если бы копила деньги лет десять. Однако, нам

показывают русский ресторан с выбором блюд, которого в России просто нет, я сомневаюсь, что даже до революции что-то подобное было.

Из ресторана они едут на экскурсию по Москве. Улицы чистые и цветущие. Вы видите кадры мраморной станции метро – знаменитое русское метро, на котором они сколотили такой пропагандистский капитал. Показывают мраморную статую Сталина. Затем парк, в котором бегают счастливые маленькие дети в белых рубашечках. Я не знаю, чьи это были детки, но они были действительно счастливы. Бездомных детей в лохмотьях, на которых я насмотрелась в России, нам не показывают.

Потом герои заходят на экскурсионный корабль, на котором улыбающиеся русские бодро рассаживаются вокруг, одетые во что-то типа атласных рубах, таких, которые вообще-то надевают исключительно идя в ресторан. Потом они посещают роскошную танцплощадку. Я не знаю, кто придумывал идеи нарядов и декораций, которые использованы для бала...

М-р Стриплинг: Это сцена на балу?

Мисс Рэнд: Да, на балу, где они танцуют. Даже для этой страны это перебор. Я никогда не видела никого, кто носит такие наряды и танцует под такую экзотическую музыку, когда я была там. Конечно, не объясняется, кто устроитель бала, и как они туда попали. Но они там – свободные и счастливо кружащиеся в танце.

В этой связи я должна сказать, что я общалась с людьми, которые покинули Россию или сбежали из нее позже меня, и знаю, что время, которое я застала – 1926 год – было лучшим послереволюционным временем. Тогда условия были чуть лучше, чем стали сейчас. Но и в то время мы были скопищем оборванных, истощенных, грязных, жалких людей, у которых было всего две мысли. Во-первых, полнейший террор: мы боялись взглянуть друг на друга, боялись сказать хоть что-то, страшась, что кто-то услышит и донесет на нас. И вторая: где взять еду. Вы понятия не имеете, что значит жить в стране, где у всех мысли только о еде, где все разговаривают только о еде, потому что так голодны, что ни о чем другом не могут думать и ничего другого не в состоянии делать. Политика их не волнует. Романтические отношения их не волнуют – нет ничего кроме еды и страха. Это то, что я видела в 1926-м. В фильме это не показано.

После этой экскурсии по Москве герой – американский дирижер – едет в советскую деревню. Российские деревни это нечто – жалкие и мерзкие. Они и до революции такими были. Уже тогда. Во что они превратились сейчас, я боюсь представить. Вы все читали о программе коллективизации 1933-го, когда советское правительство признало, что три миллиона человек умерло от истощения. Другие источники говорят о семи с половиной миллионах, но три миллиона это цифра, признанная советским правительством, как число людей, погибших от истощения вследствие того, что правительство загоняло их в колхозы. Это задокументированный исторический факт.

А вот какова жизнь в советской деревне, представленная в «Песни о России». Вы видите счастливых крестьян. Вы видите, как они встречают героя на станции, с оркестром, одетые в красивые рубахи и башмаки, подобных которым у них и быть не может. Вы видите детей в опереточных костюмах и духовой оркестр, который они никогда не могли бы себе позволить. Вы видите наманикюренных старлеток, которые водят трактора и счастливых женщин, которые поют, возвращаясь с работы. Вам показывают крестьянскую избу и такие яства в кадре, за которые там реально могли бы убить. Если у кого-нибудь в России были бы такие яства, то он бы недолго прожил, потому что голодные соседи порвали бы его на части. Но нам показывают кадр с комментарием Роберта Тэйлора и ответом крестьянина: «Это обычный деревенский стол, еда, которую мы едим сами».

Затем крестьянин показывает Тэйлору, как они живут. Он показывает свой чудесный

трактор. Который запаркован в его частном гараже. Он показывает зерно в своих закромах и Тэйлор говорит: «Великолепное зерно». О том, что крестьянин не владеет ни трактором, ни зерном, потому что это колхоз, не упоминается. Он не мог бы ими владеть. Они ему не принадлежат. Но американцы, которым ничего другого не сообщают, получают впечатление, что все это находится в частном владении крестьянина, так он живет, это его собственный трактор и его собственное зерно. Затем показывают бесконечные вспаханные поля.

Председатель: Пожалуйста, рассказывайте по порядку...

Мисс Рэнд: Я говорю слишком быстро?

Председатель: Продолжайте.

Мисс Рэнд: Тогда...

М-р Стриплинг: Мисс Рэнд, могу я позволить себе ремарку?

Мисс Рэнд: Разумеется.

М-р Стриплинг: Я смотрел фильм. В этой деревне или крестьянском доме... не бросается ли там в глаза священник или несколько священников?

Мисс Рэнд: О да, я сейчас дойду до этого. Священник появляется в первой же деревенской сцене. Он постоянно сопровождает крестьян, как друг и наперсник, как будто бы религия – естественно одобренная часть их жизни. Фактически же ситуация с религией в России в мое время была, да и сейчас, как я понимаю, осталась следующей: для члена коммунистической партии любые связи с церковью ведут к исключению из партии. Ему не разрешается посещать церковь и принимать участие в церковных обрядах. Для частных граждан, не-партийцев, это разрешено, но воспринимается неодобрительно, поэтому они держат в секрете то, что ходят в церковь. Если они хотят обвенчаться, то они обычно устраивают это у себя дома в присутствии лишь пары друзей, чтобы по их месту работы об этом никто не прознал, иначе, если станет известно об их увлечении религией, они могут вылететь с работы.

Возвращаясь к фильму. Роберт Тэйлор делает героине предложение. Она его принимает. Они играют свадьбу, конечно, в церкви. Что происходит с большой религиозной помпой, которую нам демонстрируют. Потом начинается банкет. На нем танцуют балерины в атласных юбках. Ничего подобного вы никогда не увидите ни в одной деревне, и уж совершенно точно в России. Потом нам показывают Дом Крестьянина – мраморный дворец с хрустальными люстрами. Мне бы хотелось знать, откуда они их взяли и кто это все построил для фильма.

Позже вы видите, что у всех крестьян есть радиоприемники. Когда героиня в качестве солистки играет с оркестром Роберта Тэйлора, после того, как она вышла за него замуж, вы видите сцену, в которой крестьяне слушают радио, и один из них говорит: «Многие миллионы слушают сейчас этот концерт». Я не знаю, наберется ли в России хоть сотня человек, частных граждан, у которых есть собственные радиоприемники. И я вспоминаю, что читала в газете о том, что после начала войны все радиоприемники были конфискованы правительством, и людям не разрешалось ими владеть. Сама мысль о том, что каждый колхозник, бедный крестьянин, владеет радиоприемником, совершенно абсурдна. Вы также видите, что у них есть междугородняя связь. Позже в фильме Тэйлор должен позвонить своей жене в деревню. Откуда у них взялся междугородний телефон, я не знаю.

И тут наступает ключевой момент фильма. В середине концерта, пока героиня играет, вы видите сцену на границе СССР. Перед вами очень симпатичная модернистская надпись «СССР». Хотелось бы напомнить, что это та самая граница, на которой, возможно, погибли тысячи людей, пытавшихся сбежать из этого блаженного рая. Показывается надпись «СССР», рядом стоит пограничник. Он слушает концерт! Потом сцена в караульном помещении, где пограничники слушают тот же самый концерт, прекрасную музыку Чайковского, и играют в шахматы. Внезапно на них нападают нацисты. Бедненькие русские к этому не готовы.

И тут становится ясным – и это стало огромным шоком для меня – что показанная граница – граница с Польшей. Граница оккупированной, разрушенной, порабощенной страны, которую вместе уничтожили Гитлер и Сталин. Та самая граница, которую нам показывают – милое местечко, где люди слушают музыку. Также осознается, что когда в первой части фильма показывали всю это прелесть и великолепии со счастливыми свободными людьми, среди них не было ни единого агента ГПУ, они не стояли в очередях за продуктами, их никто не преследовал – полная свобода и счастье, все улыбаются.

К слову, я никогда в своей жизни не видела, чтобы так много улыбались, разве что на настенных росписях в советском павильоне на всемирной выставке. Если кто-то из вас был там, вы сможете меня понять. Это одна из избитых пропагандистских уловок коммунистов – показывать улыбающихся людей. Это все, что они могут показывать. И вот вы это все видите наравне с фактом, что американский дирижер принял приглашение поехать туда и дать концерт, и это случилось в 1941-м, когда Сталин был союзником Гитлера. То, что американец принимает приглашение от этой страны, шокировало меня, и нам показывают, что все там хорошо и славно, сплошь счастливые танцующие люди, когда Сталин был союзником Гитлера.

Что ж, героиня решает, что она хочет остаться в России. Тэйлор хотел бы забрать ее с собой, но она отвечает, что нет, мол, ее место здесь, она должна воевать. Там примерно такой текст, насколько я смогла запомнить при просмотре: «Я несу огромную ответственность за мою семью, мою деревню и мой образ жизни». Какой образ жизни? Нам аккуратно дают понять: коммунистический образ жизни. Дальше она говорит, что она хочет остаться, потому что иначе «как я могу помочь сделать жизнь в моей стране лучше и лучше?» Что имеется в виду под «лучше и лучше»? Это означает, что она уже помогла построить хороший образ жизни. Советский коммунистический образ жизни. И сейчас она хочет улучшать его дальше. Вот так.

Затем, менеджер Тэйлора, его играет, мне кажется, Бенчли, американец, говорит, что ей надо покинуть страну, но когда она отказывается, желая остаться, вот что он говорит... с восторженной товарищеской интонацией: «Вы дуручка, но много похожих на вас дураков полегли в свое время на зеленых полях Лексингтона» Я заявляю, что это кощунство, потому что люди в Лексингтоне не просто сражались с иностранными завоевателями. Они сражались за свободу и вот что я имею в виду – я хочу быть точной – они сражались за политическую свободу и за личную свободу. Они сражались за права человека. Сравнить их с кем-то, кто сражается за рабское государство, по моему мнению, кошмарно.

И позже девушка говорит – думаю, что она или кто-то из других персонажей – что «культура, которую мы создали, никогда не умрет». Какая культура? Культура концентрационных лагерей? В конце фильма один из русских просит Тэйлора и девушку вернуться в Америку, потому что так они могут помочь людям здесь. Как? Вот, что он говорит: «Вы можете вернуться в вашу страну и рассказать всем, что вы увидели здесь, и распространять правду и своими речами, и своей музыкой». То есть прямым текстом говорится, что, то, что они видели, и есть правда о России. Вот о чем этот фильм.

Вот, что я не могу понять: в качестве извинения здесь прозвучало, что мы должны были снять этот фильм во время войны, что он мог помочь в работе для нужд фронта. Если это было сделано для того, чтобы обмануть американцев, чтобы показать американцам Россию лучше, чем она есть на самом деле, то подобный шаг вполне сравним с теорией нацистской элиты – избранная группа интеллектуалов или других лидеров скармливает людям ложь для их же блага. Я не думаю, что это американский способ доносить информацию до людей. Мы не должны обманывать людей никогда, ни в военное время, ни в мирное. Если мы хотели польстить русским, то я не вижу, как можно польстить русским, говоря, что мы дураки. До чего мы дошли с таким подходом, вы можете видеть сейчас. Результаты вы можете видеть прямо сейчас. Если

мы выпускаем подобный фильм, как нашу версию того, что творится в России, что они об этом подумают. Мы не заслужим ничьей дружбы. Мы заслужим только их презрение, и вы знаете, что русские так и реагируют.

Моя точка зрения на фильм такова: я полностью верю мистеру Мейеру, когда он говорит, что он не делал коммунистический фильм. В его оправдание я должна сказать, что, просматривая картину, я отметила, что были предприняты усилия не допустить в нее пропаганду. Я верю, что он пытался не допустить в нее пропаганду, но кошмар в том, что идейная беспечность, непонимание того, что простая демонстрация такого счастливого существования в стране рабства и страха ужасна, потому что это и есть пропаганда. Вы сообщаете людям, что жить в тоталитарной стране нормально.

Я бы хотела заметить, что ничто на земле не оправдывает рабства. Неважно, на войне или в мирное время вы не можете оправдывать рабство. Вы не можете говорить людям, что жить под игмом нормально, и что каждый там счастлив. Если вы сомневаетесь, я просто задам вам один вопрос. Вообразите, что дело происходит в нацистской Германии. Кто-то написал сценарий милой романтической истории со счастливыми людьми под музыку Вагнера. Что вы скажете тогда, это пропаганда или нет, если вы знаете, какова была жизнь в Германии, и что за концлагеря там существовали? Вы никогда бы не посмели поместить подобную счастливую любовную историю в Германию, и по тем же самым причинам, вы не должны помещать ее в Россию.

М-р Стриплинг: У меня больше нет вопросов, мистер председатель.

Председатель: Мистер Вуд?

М-р Вуд: Я уяснил, что ваша личная критика фильма основывается на том, что условия, показанные в ней, являются перебором по сравнению с существовавшими в России на момент его съемки, верно?

Мисс Рэнд: Вы сказали: перебором?

М-р Вуд: Да.

Мисс Рэнд: Фильм показывает людей...

М-р Вуд: Он показывает людей в России в лучших экономических и социальных условиях, чем на самом деле.

Мисс Рэнд: Верно.

М-р Вуд: И таким образом у среднего зрителя создается впечатление, что они лучше могли противостоять германской агрессии, чем делали это на самом деле?

Мисс Рэнд: В фильме этого нет. О войне в нем упоминается, но она особо не показывается.

М-р Вуд: Хорошо, я полагаю, вы помните из истории – вернемся к середине первой мировой войны, когда Россия тоже была нашим союзником против того же противника, с которым мы боролись и сейчас, и они были разбиты. Если бы остатки их соединений повернулись против нас, то это немало бы затянуло первую мировую, не так ли?

Мисс Рэнд: Мне так не кажется.

М-р Вуд: Не кажется?

Мисс Рэнд: Нет.

М-р Вуд: Как вы думаете, то, что мы поддерживали Россию в войне в тот момент, когда снимался фильм, шло нам на пользу или нет?

Мисс Рэнд: Это не имеет ничего общего с обсуждаемой темой.

М-р Вуд: Что ж...

Мисс Рэнд: Но если вы хотите слышать мой ответ, я могу ответить, но мне потребуется немало времени, чтобы сказать, что я думаю по поводу того, должны мы были или нет брать Россию в союзники в этой войне. Я могу, но сколько времени вы мне дадите?

М-р Вуд: Ладно, скажите, это затянуло бы войну, по крайней мере, рассматривая тот случай, если бы они были побеждены?

Мисс Рэнд: Я не могу ответить ни да ни нет, пока вы не дадите мне времени на длинную речь.

М-р Вуд: Но ведь существует достаточно серьезная вероятность, что мы бы тогда не выиграли войну вообще?

Мисс Рэнд: Я не знаю. С другой стороны, мы могли бы гораздо лучше использовать лендлизную поддержку, которую посылали им, для собственного блага.

М-р Вуд: Но в то время...

Мисс Рэнд: Я не знаю. Это вопрос.

М-р Вуд: Мы снабжали Россию всем лендлизным оборудованием, которое только могла произвести наша промышленность, не так ли?

Мисс Рэнд: Верно.

М-р Вуд: И продолжали делать это?

Мисс Рэнд: Я не знаю, было ли это решение мудрым вообще. Но если вы хотите обсудить мои военные взгляды – я не эксперт, но я попытаюсь...

М-р Вуд: Как вы тогда истолкуете, для чего был сделан фильм?

Мисс Рэнд: Я спрашиваю вас: какова могла быть связь между ложью о России и работой для нужд фронта? Я хотела бы, чтобы кто-нибудь объяснил это мне, потому что я действительно не понимаю, почему ложь может кому-то помочь и почему она может поддержать или нет Россию в войне. Каким образом?

М-р Вуд: Вам не кажется, что поддержка России была в интересах американцев?

Мисс Рэнд: Я не верю, что американцев надо пичкать какой-либо ложью, публично или приватно. Я не верю, что ложь практична. Думаю, что международная ситуация сейчас подтверждает мою точку зрения. Я не думаю, что было необходимо обманывать американцев относительно сущности России. Я могла бы вот что добавить: если люди, которые видели это, считали, что все в порядке и если, возможно, имелись причины быть союзником России, то почему эти настоящие причины не были озвучены перед американцами, почему не было сказано: да, в России диктатура, но вот вам причины, почему мы должны сотрудничать с ними, чтобы свергнуть Гитлера и других диктаторов. Конечно, в пользу этого есть аргументы. Пусть нам их назовут. Но как можно помочь работе для нужд фронта, говоря людям, что мы должны стать партнером России, и что в ней нет диктатуры?

М-р Вуд: Посмотрим, понял ли я вашу позицию. Из того, что вы сказали, я понял, что из-за их диктатуры мы не должны были принимать их помощь, чтобы добиться победы в войне против другой диктатуры.

Мисс Рэнд: Нет, я этого не говорила. Я не занимаю должность, на которой нужно принимать такое решение. Если бы занимала, я бы сказала вам, как бы я поступила. Но это не то, что мы обсуждаем. Мы обсуждаем тот факт, что наша страна была союзником России и вопрос стоит так: что мы должны говорить американцам о ней – правду или ложь? Если у нас есть причина сотрудничать, во что вы верите, то почему бы тогда не сказать правду? Скажите, да, это диктатура, но мы хотим быть ее партнером. Скажите, что можно пойти на сделку с дьяволом, как выразился Черчилль, чтобы победить другого дьявола – Гитлера. В пользу этого решения можно выдвинуть хорошие аргументы. Но зачем делать вид, что Россия не то, что она есть на самом деле?

М-р Вуд: Что ж...

Мисс Рэнд: Чего вы этим добьетесь?

М-р Вуд: Вы думаете, что чтение американцам проповедей о России, как о стране на грани

краха, положительно подействует на их мораль?

Мисс Рэнд: Я не думаю, что чья-либо мораль может базироваться на лжи. Если нет ничего хорошего, что мы можем правдиво рассказать о России, то лучше ничего не говорить вообще.

М-р Вуд: Да, но...

Мисс Рэнд: Вы не должны выступать с обличением России во время войны, нет. Вы должны хранить молчание. Нет морального греха в том, что вы не говорите кому-то то, что могли бы сказать, но он есть, если говорить противоположность правды.

М-р Вуд: Спасибо, у меня все.

Председатель: Мистер Вайл?

М-р Вайл: Вопросов нет.

Председатель: Мистер Макдауэлл?

М-р Макдауэлл: Вы нарисовали весьма зловещую картину России. Вы сделали акцент на числе детей, которые несчастливы там. Что, в России больше никто не улыбается?

Мисс Рэнд: Если вы спрашиваете буквально, то практически нет.

М-р Макдауэлл: Они не улыбаются?

Мисс Рэнд: Не так, как показано. Если улыбаются, то случайно или в частной беседе. Но совершенно точно не на публике. Они не улыбаются в поддержку своей системы.

М-р Макдауэлл: И все, что они делают – это говорят о еде.

Мисс Рэнд: Верно.

М-р Макдауэлл: Я тут вижу большую разницу с теми русскими, которых я уже знаю, а я знаю многих. Неужели они не ведут себя как американцы? Не идут гулять по городу, чтобы навестить свою тещу или еще кого-нибудь.

Мисс Рэнд: Видите ли, это очень сложно объяснить. Почти невозможно втолковать свободному человеку, что значит жить при тоталитарной диктатуре. Я могу привести множество подробностей. Но я никогда не смогу полностью убедить вас, потому что вы свободны. Даже хорошо, что вы и вообразить не можете, на что это похоже.

Конечно, у них есть друзья и тещи. Они пытаются жить человеческой жизнью, но, поймите, она совершенно бесчеловечна. Попробуйте вообразить, каково жить при постоянном терроре, с утра до вечера, а ночью ждать звонка в дверь, когда вы боитесь всех и всего, живя в стране, где жизнь человека не стоит ничего, меньше, чем ничего, и вы это понимаете. Вы не знаете, кто или что вам грозит, потому что у вас могут быть друзья, которые за вами шпионят. Где нет законов и никаких прав вообще.

М-р Макдауэлл: Кажется, вы сказали, что приехали сюда в 1926-м. Вы бежали из России?

Мисс Рэнд: Нет.

М-р Макдауэлл: У вас был паспорт?

Мисс Рэнд: Нет. Довольно странно, они дали мне паспорт, чтобы я могла приехать сюда в гости.

М-р Макдауэлл: В гости?

Мисс Рэнд: В то время они несколько ослабили хватку. Некоторые люди уехали. У меня здесь были родственники, и мне разрешили приехать сюда на год. Я никогда не вернулась.

М-р Макдауэлл: Ясно.

Председатель: Мистер Никсон?

М-р Никсон: Вопросов нет.

Председатель: Хорошо. Первым свидетелем завтра утром будет Адольф Менжу.